

И. А. ВИНОГРАДОВ¹

1812 ГОД В ГЕРОЯХ «ТАРАСА БУЛЬБЫ» И «МЁРТВЫХ ДУШ»

Рассматривается вопрос об отношении событий Отечественной войны 1812 года к замыслам главных произведений Гоголя – повести «Тарас Бульба» и поэмы «Мёртвые души». Впервые устанавливается связь эпохи 1812 года с гоголевским творчеством в целом – в его сатирическом и утверждающем пафосе, соотношении исторического и современного в наследии писателя. Прослежены «узловые» и «сквозные» темы, волновавшие Гоголя от создания «Миргорода» (1835) до «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1847). Конкретизировано духовно-нравственное содержание гоголевских художественных произведений. Делается вывод, что в самых истоках надежды писателя на возрождение России, его веры в то, что всякий русский человек, по его словам, способен «вдруг» «поступить в рыцарство», лежала память 1812 года.

Ключевые слова: Гоголь, биография, художественное творчество, общественная идеология, цензура, интерпретация, герменевтика, духовное наследие.

Гоголевского «Тараса Бульбу» отделяет от эпохи 1812 года лишь два десятилетия. Победа в Отечественной войне отразилась тогда во всех сферах жизни русского общества и, конечно, не могла не сказаться в творчестве Гоголя. Для начала обратим внимание на то, что даже знаменитые слова Тараса Бульбы из его речи о товариществе пронизаны памятью 1812 года. В 1837 г. в журнале «Современник» Гоголь поместил свои «Петербургские записки 1836 года». В том же номере было опубликовано стихотворение М. Ю. Лермонтова «Бородино». Слова «полковника» из лермонтовского стихотворения: «Ребята! не Москва ль за нами? Умрёмте ж под Москвой...» – прямо перекликаются с речью «полковника» Тараса: «Уже если на то пошло, чтобы умирать, так никому ж... не доведётся так умирать!..» (строки эти появляются лишь во второй редакции «Тараса Бульбы», законченной в 1842 г.).

Однако, как это ни странно может показаться, с событиями 1812 года «Тарас Бульба» был соотнесён впервые не в России, а за её пределами. Увы,

¹ Игорь Алексеевич Виноградов – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук (Российская Федерация, Москва); info@imli.ru

не в родном Отечестве, а за границей, в период самых первых переводов повести Гоголя на иностранные языки, его герои неизменно напоминали представителям сразу трёх национальностей проходившие в 1813–1814 гг. через их страны русские войска. Именно это восприятие сопровождало успех «Тараса Бульбы» в Чехии, Германии и в самой Франции. К сожалению, в России «открытие» темы 1812 года в «Тарасе Бульбе» состоялось лишь спустя целое столетие, в эпоху второй отечественной войны – *Великой* Отечественной. Лишь новая, созвучная событиям 1812 года эпоха смогла наконец поставить перед охваченным революционными преобразованиями русским обществом гоголевского Тараса во весь его исполинский рост. «Открытие» темы 1812 года в «Тарасе Бульбе» в эпоху Великой Отечественной войны объяснялось глубоко созвучным замыслу гоголевской повести патриотическим подъёмом русского народа и возрождением в те годы церковной жизни [3, 554–556, 559–564].

О соотносённости замысла и содержания «Тараса Бульбы» с войной 1812 года свидетельствует сама история создания повести. Изначально «Тарас Бульба» задумывался Гоголем не просто как произведение из малороссийской истории, но осмыслялся гораздо шире – как притча о современной ему России в целом. В «Авторской исповеди» Гоголь признавался: «У меня не было влечения к прошедшему. Предмет мой была современность в её нынешнем быту...» «Прошедшее же и отдалённое возлюбляется по мере его надобности в настоящем», – пояснял он свою мысль в письме к поэту Н. М. Языкову от 2 января (н. ст.) 1845 г.

О глубоко символическом замысле «Тараса Бульбы» свидетельствует само беспрецедентное обилие исторических эпох, к которым обращался Гоголь при создании этой повести-эпопеи. Как показывает изучение источников, это, помимо прошлого Украины, и библейская история, и Гомер, и «Слово о полку Игореве», и история средневекового рыцарства, и преобразования Петра I, и события нескольких войн России с Турцией, и польское восстание 1830–1831 гг.

Однако, несмотря на богатство исторического контекста, именно эпоха 1812 года оказывается для творчества Гоголя ключевой. Эпоха Отечественной войны не только пронизывает «Тараса Бульбу», но и прямо связывает эту повесть с гоголевскими произведениями сатирического пафоса, то есть даёт возможность – ни много ни мало – осмыслить гоголевское наследие в целом. Характерно, что, работая над вторым томом «Мёртвых душ», Гоголь писал С. П. Шевырёву: «Если б мне удалось прочесть биографию хотя двух человек, начиная с 1812 года и до сих пор... мне бы объяснились многие пункты, меня затрудняющие». Что же стояло за этим признанием?

Одна из важнейших проблем, которые поднимал Гоголь в своём творчестве, – отсутствие в современных христианах «холодности» ко злу и «горячности» к добру (Откр. 3, 15–16). В период создания «Тараса Бульбы» Гоголь, побуждая ленивых, на его взгляд, друзей к более деятельному участию в «Московском Наблюдателе», в частности, замечал: «Москве предстоит старая её обязанность спасти нас от нашествия иноплеменных языков... Я... начинаю верить, уж не прав ли Полевой, сказавши, что война 1812 есть событие вовсе не национальное...»

«Тёплому», бездеятельному, лениво-равнодушному состоянию современного общества Гоголь противопоставлял то религиозное одушевление, которое отличало христиан во времена бедствий и испытаний. Так, в своих лекциях по истории Средних веков он обращал внимание слушателей на то, как христианство в Испании, окружённое враждебными народами, отличалось «стремительною ревностью». В «Тарасе Бульбе» мысль о том, что пламенная вера только укрепляется от выпадающих на её долю испытаний, является одной из важнейших. В своё время украинский историк М. П. Драгоманов пронизательно заметил: «Мы никогда не поймём... появления “Ревизора” и [“Мёртвых душ”]», если «не оценим того контраста, какой представляют... образы запорожской эпопеи «с теми “мелочами и пошлостью, опутавшими нашу жизнь”, какие видел Гоголь около себя в действительности» [4, 450]¹. Именно таким контрастом окружающей «пошлости» Гоголь и осмыслял Отечественную войну 1812 года. В то время, согласно известным строкам «Мёртвых душ», патриотическое одушевление народа сделало из самых заурядных и «пошлых» обитателей отдалённых уголков России «заклятых политиков», живо интересующихся судьбами Отечества. Вспомним эти строки поэмы: «В это время все наши помещики, чиновники, купцы, сидельцы и всякий грамотный и даже неграмотный народ, сделались... заклятыми политиками. “Московские Ведомости” и “Сын Отечества” зачитывались немилосердо...»

Об отношении замысла «Тараса Бульбы» к 1812 году свидетельствует и сама композиция сборника «Миргород», состоящего из четырёх повестей. Упоминание о Бонапарте имеется уже в первой повести цикла – в «Старосветских помещиках». С другой стороны, давно замечено, что ссора героев последней повести «Миргорода» происходит именно в 1812 году.

1812 годом Гоголь словно «измеряет» своих современников. Несомненно, как бы говорит писатель, и в покойной идиллии старосветского Миргорода, в котором 1812 год отмечен лишь бессмысленной ссорой героев, есть место для подвигов, есть где, подобно Тарасу Бульбе или Остапу, «положить душу свою за друзей своих». «Любовь познали мы в том, – говорит Иоанн Богослов, – что [Христос]... положил за нас душу Свою... А кто... видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце свое, – как пребывает в том любовь Божия?» (1 Ин. 3, 16–17). Этот апостольский вопрос Гоголь как бы адресует одному из героев Повести о ссоре – «богомольному» Ивану Ивановичу, в котором, по его «деликатности в поступках» и «благопристойности», явно проглядывает будущий Манилов [2, 366–375]. «Богомольность» и «деликатность» героя «доказывается» в повести следующим разговором его с нищей: «Чего же ты стоишь? ведь я тебя не бью!» Поведение героя прямо призвано напомнить читателю христианскую заповедь: «Если брат и сестра <...> не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: “идите с миром...”, но не даст им потребного для тела: что пользы?» (Иак. 2, 15–17). Словом, помощь нищей тоже значит, по Гоголю, положить душу за други своя.

Очевидно, что Повесть о ссоре (датируемой 1812 годом) и «Тарас Бульба» в составе цикла «Миргород» определённо заключают в себе противопостав-

¹ М. П. Драгоманов писал также А. Н. Пышину: «Я хотел обратить Ваше внимание на то, что если не оценить того контраста, какой является в душе Гоголя, при виде Тараса Бульбы, казацких песен и т.п. и петербургского чиновничества, то мы не поймём вовсе причины появления “Ревизора” и проч.» [1, 156].

ление современной «бездейственной вялой жизни» одушевлению героев военного времени; эти повести напрямую связаны с размышлениями писателя над измельчением и «опошлением» героического, жертвенного начала в обыденной жизни. В героях Повести о ссоре – так же, как в Собакевиче в «Мёртвых душах», – определённо скрывается, по замыслу Гоголя, Тарас Бульба, который должен впоследствии «воскреснуть» в его читателях.

В истории создания «Миргорода» особое значение имело в данном случае то, что большинство помещиков на Украине, в том числе семья самого Гоголя, происходили из казацкой старшины, и потому естественно для писателя было переводить своих героев из помещичьего, обыденного статуса в героический, казацкий – и обратно. Да и великорусское дворянство лишь после 1917 года стало однозначно оцениваться как паразитирующий класс, изначально же являлось служилым, военным сословием.

Именно в уста Собакевича Гоголь вкладывает знаменательную фразу о «мёртвых душах»: «...И то сказать, что из этих людей, которые числятся теперь живущими? Что это за люди? мухи, а не люди». Эту фразу герой произносит, прямо обращаясь к портрету Багратиона, висящему в его гостиной. Образ героя Отечественной войны 1812 г. генерала Бетрищева во втором томе поэмы – есть в гоголевском творчестве некий шаг к пробуждению «мёртвых душ» современников и одновременно напоминание о Тарасе Бульбе.

Позднее в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь, говоря о необходимости исполнения дворянами своего долга, прямо напоминал о «жертве» 1812 года. О «невидимых подвигах и высоких <...> жертвах» 1812 года размышляет у Гоголя и помещик Тентетников в одной из не дошедших до нас глав второго тома «Мёртвых душ». В самом финале «Выбранных мест...», в статье «Светлое Воскресенье», Гоголь восклицает: «...Есть, наконец, у нас отвага... сбросить с себя вдруг и разом все недостатки наши... не пожалев самих себя, как в двенадцатом году...»

Напоминание о связи «Мёртвых душ» и «Тараса Бульбы» с 1812 годом звучит и в тех строках «Выбранных мест...», что непосредственно посвящены объяснению *замысла* поэмы. Как бы вновь вспоминая реплику Собакевича о «мухах» («мухи, а не люди») и имея в виду строки лермонтовского «Бородино» – «Да, были люди в наше время, Не то, что нынешнее племя: Богатыри – не вы!», – Гоголь замечает: «В России теперь на всяком шагу можно сделаться богатырём. Всякое званье и место требует богатырства». Эти строки одного из «Четырёх писем к разным лицам по поводу “Мёртвых душ”» недвусмысленно указывают на то, что в самых истоках надежды Гоголя на возрождение России, его веры в то, что всякий русский человек, по его словам, способен «вдруг» «поступить в рыцарство», лежала память 1812 года. Именно «богатыри» и «богатырство» 1812 года служили Гоголю прообразами как для героев «Тараса Бульбы», так и для будущих положительных персонажей его знаменитой поэмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Барабаш Ю. Я.* Почва и судьба. Гоголь и украинская литература: у истоков. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 1995. 224 с.

2. *Виноградов И. А.* От «Миргорода» к «Мёртвым душам»: об идейной преемственности образов Гоголя // *Духовный потенциал русской классической литературы: Сб. научн. тр. / Мос. гос. обл. ун-т. М.: Русский мир, 2007. С. 366–375.*
3. *Гоголь Н. В.* Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий / Издание подготовил И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 696 с.
4. *Драгоманов М. П.* М. А. Максимович. Его литературное и общественное значение // *Вестник Европы. 1874. № 3. С. 442–453.*